

Анна Мусаэлян

**ДЕВУШКА,
СМОТРЯЩАЯ
НА БАШНЮ**

Анна Мусаэлян

Девушка, смотрящая на башню

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18574673

ISBN 9785447480622

Аннотация

XIX век. Кавказ. Ингушетия. Юноша и девушка. Она – русская и одна на белом свете. Он – ингуш, у которого большая и дружная семья. Он – у себя дома. А она?.. Какая воля закинула её в горы и оставила в одиночестве? Что общего между ними?.. Наивная история на фоне Кавказских гор о том, как два человека из разных миров могли найти друг друга в этом непростом мире.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Девушка, смотрящая на башню

Анна Мусаэлян

© Анна Мусаэлян, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

*Посвящается
моему горному эху —
прекрасному другу
Зареме Евлоевой*

Из-за гор показалось солнце. Сначала робко, нехотя, словно оно боялось выглянуть из-за горы в большой мир. Но с каждой уходящей минутой солнце становилось всё смелее и смелее. И, наконец, светило сдалось и подчинилось неизбежному – восходу. Если бы на ближайшей вершине горы стоял невидимый наблюдатель, то он смог бы увидеть всю эту борьбу. Первыми появились маленькие, как у ребёнка, солнечные ладошки-лучики. Они росли, росли и вот, спустя некоторое время, наконец, коснулись вершины горной гряды. Потрогали, пощупали её, словно проверяя камень на прочность и надёжность. Ладочки-лучики растекались по горе, ища прорехи в монолитности горной гряды. Миг. И вот уже вся мощь солнечного света, опираясь на серую громадину, помчалась вниз, в долину. Там, разливаясь рекой, раскидывая жёлтые брызги, солнце стало заполнять мир долгожданным светом. Солнечные лучики-ладочки спешили всё потрогать, пощупать, помять в своих тёплых руках. Солнце вновь выползло из своего ночного убежища.

Вот первые лучики наконец-то добрались и до спящего аула. Крепко обняли верхушки башен, словно не виделись их сотню лет, и расцеловали их брызгами света. Эти брызги, словно мелкие осколки разбитого стекла, приведённые в действие невиданно большим ударом, разлетелись в разные стороны. А лучики-ладошки, не обращая на это внимание, уже скользили вниз по монолитным камням, смягчая их суровую серость тёплой желтизной солнца. Спустившись вниз со стен башни, солнце разливалось дальше вниз, к аулу. Солнечная река хлынула на крыши домов, сараев. И, наконец, заглянула в окна, чтобы поиграть со своим отражением. А также подразнить ещё спящих людей, пуская на их лица солнечные зайчики. Свет нового дня спешил разбудить людей навстречу новому труду и, возможно, новым открытиям.

Молодая девушка вышла из дома и, зажмурив глаза, повернулась к тёплому жёлтому шарiku. Лучи приветливо осветили её лицо, и она в ответ им счастливо улыбнулась. Потом протянула навстречу ладошкам-лучам свои собственные руки и закружилась на месте в странном беззвучном танце. Поднятые руки плели солнечный узор над её головой. Казалось, невидимый взгляду джигит пришёл к ней, и теперь они вместе создают свой свадебный танец...

Где-то в ауле заблеяла овца. За ней вторая. Закудахтали куры. Девушка, словно очнувшись от внезапного наваждения, перестала танцевать и озабоченно посмотрела в сторону аула. Звуки нарастали. Домашняя скотина «заговорила

на разных языках», словно возобновила вчерашний внезапно прерванный разговор. Скрипнула первая калитка, за ней вторая. Залаяли собаки. Аул просыпался. Мария, а так звали девушку, торопливо вошла в дом, и захлопнула дверь.

Она не была частью того мира. Да и дом её находился не в селении, и даже не на его окраине. Он был чуть поодаль, на небольшом пригорке-холме. Словно прокажённый, домик как будто сам стремился отделиться, обособиться от живущих по соседству людей. Он ютился на самой верхотуре холма, на самой его возвышенной точке. Был небольшим, приземистым. И почти невидимым из-за забора и окружающих его деревьев. Только лишь приблизившись к подножию холму, задрав голову вверх, можно было разглядеть то, что за деревьями прятался маленький дом.

Мария жила здесь с самого своего рождения. Жила вот так, обособленно, поодаль. И никогда не роптала, принимала всё как есть. Девушка привыкла, что жизнь аула её не касается. Люди, живущие там – сами по себе, а она вот тут, без малейшего желания познакомиться с ними. Но ведь раньше она не была одной! А сейчас... Что ей ждать от каждого нового дня? И даже больше – от каждого мгновения?.. Эти мысли роились в голове, словно рой потревоженных диких пчёл.

Глава 2

Мария вошла в комнату, и присела на лавку. Её глаза заволокли предательские слёзы. В такие утренние минуты ей было очень горько. Особенно в последнее время. Когда где-то там люди просыпались, здоровались друг с другом и желали хорошего дня, ей здесь, на отшибе, некому было говорить приветливые слова. Только ветру и солнцу. И тогда одиночество, которое она так упорно гнала прочь, достигало её. Оно пугало её своей незащищённостью, своей оторванностью от реальности.

Мария решительно смахнула непрошенную влагу с глаз, и принялась за шитьё. Но мысли невольно уводили её в страну воспоминаний. В привычку вошло перебирать узелки памяти. В той далёкой старине, в прошлом она пыталась найти ответ на мучившее её настоящее и грядущее будущее.

«...из-за поворота выбежал черноволосый мальчишка, и, задыхаясь от быстрого бега, сел у подножья холма. Мария, сдерживая рвущееся из груди сердце, подкралась к нему поближе, чтобы посмотреть на него внимательнее. Не так часто кто-то осмеливался подойти близко к холму, и ей стало любопытно. Она старалась не дышать, чтобы ненароком не выдать своего близкого присутствия. Но он всё-таки её заметил, резко повернулся и без стеснения уставился на неё. Его

большие чёрные глаза завораживали своей бездонной зеркальностью. Она испуганно ойкнула, поняв, что её укрытие обнаружено, и развернулась, что дать дёру обратно, в нутро спасительного дома.

– Эй! – окликнул её мальчишка. – Стой! Чего бежишь?

Мария всё-таки отбежала на безопасное расстояние – на случай, если мальчишка вдруг решится погнаться за ней. Только потом повернулась и с молчаливым любопытством снова посмотрела на него.

– Ты, что, немая? И ты кто? – не унимался мальчишка.

Он поднялся с камня, на котором сидел, и сделал несколько шагов по направлению к ней. Но, увидев, что она снова готова бежать, остановился. Вот только перестать задавать вопросы не входило в его планы:

– Что-то я не припоминаю тебя. И странно ты как-то выглядишь... – Тут мальчишка замолк, и внимательным взглядом окинул девочку с головы до ног. Скрещённые на груди руки придавали ему довольно воинственный вид. Мария же продолжала молча взирать на непрошенного гостя, не решаясь заговорить с ним. А он, уже явно сердясь, по-взрослому рубанул рукой воздух и внезапно прикрикнул на неё: – Ты кто? А ну-ка говори!

Его голос был звонкий, как кованая сталь. Стоило ему сказать что-нибудь погромче, и он начинал звенеть в душной тишине летнего дня. Девочка испугалась, что мама может услышать их разговор. Ведь она строго-настрого запретила

ей общаться с людьми из аула, и вообще не приближаться к незнакомцам. То есть для неё это означало, что без присутствия родителей ей вообще лучше ни с кем не разговаривать. Да и как? Из местного языка она знала только с десятков слов, которые она услышала от родителей. Отрывочных, из которых непонятно как составлять предложения. Девочка понимала, что мальчик хочет знать, кто она. Но как же ему объяснить, что она не говорит на его языке, а он на её? Пока не приключилось беды...

– Мария, – девочка решила, что лучше начать с имени и ткнула пальцем себе в грудь – для лучшего понимания того, что она хочет сказать. Вдруг он не поймёт, что это её имя, а не ещё одно непонятное слово.

– Что? – строго переспросил мальчик, пытаясь понять речь девочки. Он даже нахмурился, чтобы получше слышать. Но лицо его уже осветила улыбка. Девчонка была странной, но, как видно, не немая.

– Мария, – более громко сказала девочка, снова тыча себе в грудь. – Я оттуда.

Девочка махнула в сторону дома, лепившегося на вершине холма, чтобы он понял, что она имела в виду. Мальчик проводил взглядом направление её руки, и лицо его мгновенно стало бледным.

– Эрсе¹... – выдохнул он.

Мальчик посмотрел на неё ещё раз. Что-то прошептал,

---

¹ Эрсе [ингуш.] – русская.

пяться назад. А потом резко развернулся и быстро побежал прочь, в аул...»

Мария вздохнула. Родители тогда, конечно, объяснили значение слова, но не дали ответа, почему мальчишка испугалась того, что она русская. Что в этом такого? Она ведь не боялась того, что он – ингуш. Родители отмахнулись тогда от неё. Мол, маленькая ещё, не поймёшь. Не сказали и того, почему они не живут со всеми, в ауле. Почему ни с кем не общаются. Так надо. И всё. Родители отмалчивались и всячески старались избегать разговоров на эти темы. И только позже, после приезда русских солдат в аул, она сама стала догадываться, почему они живут обособленно, и избегают встреч с ингушами. Даже с живущими по соседству. Местные если их и не боялись, то явно относились с подозрением. Поэтому предпочитали держаться от них подальше. Благоразумные родители делали то же самое.

«– Мама, мне надо с тобой поговорить, – Мария решительно подошла к матери. Руки она сложила на груди, словно готовилась к бою. Все своим видом она хотела придать весомость своим словам, чтобы родительница сразу настроилась на то, что беседа будет серьёзной и очень важной.

– Да, Машенька, – голос матери был, как всегда, ровным и тихим. Она вообще всегда была спокойна и приветлива. Слегка грустна, как Мадонна на иконе, со слегка наклонён-

ной на бок головой. Эта особенность матери отчаянно раздражала отца. Иногда он даже не выдерживал и срывался. В такой момент он замахивался на неё, но поднятая рука так и оставалась в воздухе. Мгновение спустя, словно внезапно опомнившись, отец резко разворачивался и уходил. Уходил, чтобы напиться, сидя на брёвнах позади дома. Либо демонстративно хлопал дверью, и сутки пропадал в горах. Такое поведение отца всегда пугало девушку. Она не понимала, почему доброта её матери так выводит его из себя. В следующее мгновение Мария впервые осознала почему.

– Нани², мне надо кое-что спросить у тебя, – девушка слегка повысила голос, чтобы мама на самом деле осознала, как для неё это важно.

Мать посмотрела на дочь, но в её глазах было видно только безмятежное голубое небо. Ни одна тучка не прошла по её лицу. От этого у девушки возникло чувство, что ей уже даже не важно уже, что она ей ответит. Всё, что не касается непосредственно отца, не сможет изменить безмятежности этой женщины. Ничьи более интересы ей не важны, как только те, что касаются одного единственного человека – её отца. Так вот что раздражало папу – всепоглощающая любовь к нему этой женщины. Решимость девушки стала стремительно таять, словно лёд на горячем горном солнце.

– Ты не робей, доченька, спрашивай. Что тебя беспокоит, кровиночка? – в голосе матери так и не появилось хоть

---

² Нани [ингуш.] – мама.

капли озабоченности. Всё та же доброта и приветливость. А Мария, словно пчелой укушенная. В тот момент девушка с ужасом поняла, что хочет, как отец, хлопнуть дверью и уйти. Убраться прочь от этого ровного, словно парализующего, приветливого голоса.

Мария глубоко вздохнула, собрала все имеющиеся силы, и решительно выпалила:

– Мама, мы русские? – В ответ женщина просто кивнула, и внимательно посмотрела на дочь. А та, пока ещё не ушла решимость, задала ещё один сакраментальный для неё вопрос: – А люди из аула – ингуши?

Мама продолжала молчать. Её взгляд был всё так же лучист и мягок. Он сбивал с толку, но Мария устала мучиться от вопросов, и решила, что сегодня она должна всё для себя выяснить. Поэтому, не дождавшись ответа, продолжила:

– Ингуши нас не любят или просто не доверяют, а, может быть, и боятся. В этом их можно понять. Но как тогда уразуметь нас, живущих рядом с ними? Мы же даже не дружим ни с кем! Что мы здесь делаем, нани?

Родительница вздохнула вместе с дочерью. Глаза её заволочла печаль. Мария испугалась, что довела её до слёз. А когда мама плачет, это сильно огорчает отца, который вот-вот должен вернуться. Мария в панике пыталась придумать, как завершить этот разговор, пока всё не началось, как мама сама нарушила тишину.

– Вот ты и выросла, доченька. И задаёшь так много слож-

Глава 3

На дворе что-то грохнуло, и Мария испуганно вздрогнула. Она бросила шитьё на лавку, и кинулась к окну. Но лицо её было озабоченным лишь на краткое мгновение. То, что на дворе не было посторонних, она поняла сразу. Тихо подкрасться к дому с задней стороны не позволил бы крутой склон холма. Даже в ауле бы услышали осыпающуюся землю и камни под чьими-то ногами. Да и каким же отчаянным надо быть, чтобы, ради желания прокрасться в простой небогатый дом, так необдуманно рисковать жизнью! Та сторона холма вела в пропасть. Замок калитки, который хорошо просматривался из окна, был всё так же заперт. Забор был вроде бы тоже на месте. А если бы кто и осмелился перебраться через него, что при её жизни никогда не случилось, то, стоит думать, шум был бы громче того, что она услышала несколько минут назад. Отец в своё время хорошо подумал о безопасности. Там, где деревья позволяли подойти к дому, минуя калитку, их ждали маленькие папины ловушки. Вреда они бы не причинили, а вот шума бы наделали. Да и за то время, что они жили здесь, во дворе возле забора скопилось много разных хозяйственных вещей – предметов вроде бы и ненужных, но в бедном доме всегда мало что выкидывают. Они бы тоже причинили нежеланному гостю немало неприятностей, и не позволили бы ему остаться незамеченным.

Девушка вышла в сени и, немного поразмыслив, всё же захватила вилы, стоявшие в углу. Потом приоткрыла дверь и выглянула наружу. На дворе было солнечно и тихо. И только лёгкое позвякивание разносилось в воздухе.

– Вот неугомонная! – в сердцах крикнула Мария, и, поставив вилы на место, открыла дверь пошире и вышла из дому.

Перед ней, пританцовывая на месте, стояла любимая коза Нюра. Как-то отдали её отцу в качестве платы за оказанные услуги. Мама, помнится, очень обрадовалась козе и сразу же дала ей это имя. Может, у отца и были на неё другие планы, но им не суждено было сбыться. Посмотрев тогда на счастливое лицо матери, он сразу оставил свои желания при себе. Теперь же Нюра была единственным живым существом для Марии.

– Что же так меня пугать? – девушка хотелось быть строгой, но умильное лицо любимой козочки сразу растопило её сердце. Она погладила козу, и та довольно замекала. – Что, скучно одной? Вот снова поводок оборвала, так их на тебя не напасёшься. Ну-ка стой, егоза! Сейчас пойдём, прогуляемся.

Мария опять вернулась в дом, чтобы захватить новую верёвку для козы. Раньше их искусно плёл отец, а теперь... Некому было заниматься этой работой. Ей же он так и не показал искусство плетения, а её результаты работы любимая Нюра регулярно рвала в клочья.

Кроме верёвки, девушка захватила большую корзину

и немного еды. Она не сильно надеялась, что ей удастся найти полезные травы, которые собирала раньше её мать. Когда они вместе шли на сборы, та только тыкала в растение и кратко объясняла, в чём его полезность. Девушка старалась всё запомнить, но на деле оказалось, что уроки она выучила плохо. Но ведь можно было собрать немного диких фруктов и ягод в лесу. Или ещё что-нибудь полезное могло попасться. А может, как иногда уже бывало, с ней поделятся хлебом и сыром пастухи. Но к ним она старалась не приближаться, если видела, что они в одиночестве – без детей или женщин. А когда они сопровождали мужчин, так, завидев её, сами приглашали к столу. Людей она продолжала всячески избегать. Но быть невежливой она тоже не могла. Тогда она подходила, здоровалась и на короткое время присоединялась к компании. Порой, сидя с ними, ей украдкой клала себе небольшой кусочек сыра или хлеба в корзину. Марии было отчаянно стыдно за такой свой поступок. Но с тех пор, как она осталась одна, без родителей, ей приходилось вести хозяйство в одиночку. И, как она сама для себя открыла, многого она не просто умела. Оказалось, родители совершенно не подумали о том, что когда-нибудь она сможет остаться одна. То, что заметила из общения с ними, у неё не всегда получалось. А подсказать, поправить или научить уже было просто некому.

С этими мыслями она покинула дом. Крепко привязав новую верёвку вокруг шеи козы Ньюры, она вышла за калитку,

заперла её и отправилась в горы. Прочь от аула и его жителей. Туда, где она могла не бояться ежеминутного столкновения с людьми.

Время летело быстро. Коза вволю нарезвилась, и теперь лениво лежала возле Марии. Девушка перебрала в корзине то немногое, что ей удалось собрать за сегодняшний день. На пару дней хватит. Девушка принялась за свой скромный обед, что захватила с собой из дома. И невольно тяжёлые мысли вновь вернулись к ней.

Она посмотрела туда, где простирался аул. Сейчас, скрытый за холмом, он не так её пугал, как дома, когда она находилась от него всего лишь на расстоянии дороги от холма. А вот так, на безопасном удалении, это странное для неё селение даже манило своей загадочностью и неизведанностью. Особенно его башни. Каждое утро, когда солнце только показывалось из-за горизонта, а все люди аула ещё спали, она уже была на ногах. Девушка любила встречать рассвет вместе с серыми башнями. Они были также молчаливы, как и она. И совсем не мешали ей танцевать с солнечными лучами.

Мария казалось, что она единственная из всех, кто знает самый важный секрет башен – любовь к солнцу. Всепоглощающую, преданную любовь братьев-гигантов к солнечной красавице. Мария каждый день наблюдала, как эти серые сумрачные гиганты таяли под солнечными ладошками. Казалось, что они готовы пасть к её ногам, изменив своей моно-

литности. Такая появлялась у них слабость с приходом солнечной принцессы. Словно седые старики-горцы, когда им кажется, что на них никто не смотрит, порой пускают слезу, смотря не невинные шалости ребёнка. И только ей башни позволяли также сильно любить солнце. Это была их общая слабость и общий секрет. И порой Марии казалось, что невиданный вихрь поднимает её в воздух, и вот она уже на самой вершине башни. Словно сидит на плече у гиганта. И оттуда, с огромной кружащей высоты, они вместе встречают рассвет солнца. Марии не хотелось в аул. Но она мечтала попасть в башню и поздороваться с одним из братьев-гигантов лично.

Мария вздохнула. В последнее время она всё больше и больше придавалась грустным мыслям. Её мучил вопрос о будущем. Время неумолимо шло вперёд, и с каждым днём становилось всё очевиднее, что надо на что-то решиться. Жить в одиночестве она долго не сможет. Первая же зима убьёт её. Попросить помощи в ауле? Но что она может предложить им в ответ на их старания? Хотя страшнее всего то, что они могут попросить. От этих мыслей Мария передёрнула плечами. Уехать? Куда? В далёкую и не понятную ей Россию? Новости, которые разносило горное эхо, её пугали больше, чем соседство с ингушами. Один пережитый набег русских солдат, когда она впервые увидела страх в глазах отца, который, казалось, никогда ничего не боялся, отбил в ней всякую охоту там побывать. Искать родственников, как веле-

ла мать? Внутренним чутьём девушка понимала, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Не зря же её родители так и не вернулись к ним. Что-то же их удерживало от того, чтобы спуститься с гор к своим. Россия казалась девушке враждебной и суровой. И там она будет так же одна, как и здесь. Но уже только среди совершенно чужих людей в совершенно чужой стороне. А здесь хоть горы родные. Авось не оставят они её на произвол судьбы...

Мария вообще росла и думала, что это навсегда – солнце и эти горы, чужие соседи и любимые башни, и, конечно, её родители. Правда, теперь папы и мамы нет. Она одна. И идти некуда. Глаза девушки снова заволокли слёзы. Она бросила взгляд на горы, и заплакала навзрыд...

«Утро наступило, стояло только солнцу просто напомнить о своём существовании. На дворе ещё было серо, но мать уже бежала на двор. Девочка рванулась вслед за ней, хватаясь за платье женщины.

– Нани! Папа не в первый раз не ночует дома. Может, его задержали пастухи? Он ведь иногда им помогает, когда они просят его о помощи...

Но мама её не слушала. А остановить рвущуюся изо всех сил женщину Мария не могла. Только у калитки мама на мгновение замерла, прижав руки к груди. Она унимала рвущееся из груди сердце. В её опухших от слёз глазах читалась надежда, растущая с каждым лучом солнца.

– Да, ты права, доченька. Извини. Но вот только что-то на сердце не спокойно. Вчера, перед уходом, он снова выпил лишнего. А в таком состоянии...

Женщина сжала руками платок, накинутый ей на плечи. Девочка тихо вздохнула. Она помнила вчерашний день, словно он застыл во времени, и утро ещё не наступило. Родители снова о чём-то поспорили, затем разговор перешёл в крик и соответственно в ссору. Так у них бывало, но всё всегда кончалось вполне благополучно. После крепкой ссоры отец напивался и уходил куда-нибудь прочь. Мама плакала и ждала его у окна. Через пару-тройку часов отец остывал, и возвращался обратно. Молча ложился спать, оберегаемые счастливыми руками матери. А наутро в доме снова воцарялся мир. Теперь же отец ушёл на всю ночь. Это тоже беспокоило девушку. Но, чтобы ещё больше не тревожить мать, она скрывала свои чувства и старалась всячески подбодрить родительницу.

– Мамочка, папа любит нас. Он обязательно вернётся. И ты снова будешь корить себя за то, что не спала всю ночь, маялась, и совсем вымоталась. А кто будет готовить отцу завтрак?

Забота об отце в их доме было превыше всего. И хотя папа сердился, когда мама подкладывала ему самые лучшие куски еды, и говорил ей, чтобы она лучше отдавала бы их дочери, поведение матери от этого не менялось. Она всегда в первую очередь думала об отце, а потом уже о дочери.

– Да... Завтрак... – женщина встрепенулась. – Он, стоит думать, вернётся голодным...

Она повернулась и сделала шаг по направлению к дому. Девушка вздохнула, надеясь, что всё-таки смогла успокоить мать. Но тут они обе услышали звук чьих-то шагов, приближающихся к дому. Женщина снова рванулась к забору.

– Пётр! – она резко открыла калитку. Но по каменным плечам матери и звонкой тишине, девушка поняла, что происходит что-то не так. Она выглянула из-за её плеча и увидела незнакомца. Весь его вид говорил, что он ингуш, а значит, скорее всего, пришёл из аула.

Мужчина смутился оттого, что ему не дали подготовиться к встрече. Его рука повисла в воздухе, так и не совершив удара по дереву. Он медленно опустил руку, и вцепился в шапку, которая уже прочно лежала в другой руке. Мужчина явно нервничал.

– Здравствуйте, Асланбек Ваха³! – поприветствовала мать незнакомца. И отодвинулась от прохода, одновременно жестом руки приглашая войти. – Петра Алексеевича нет, но вы можете подождать его в доме. Он скоро должен вернуться.

Незнакомец замаялся, явно не решая войти. И Марию сразу охватили дурные предчувствия. Это имя она уже слышала в родном доме, а по приметному описанию – заметный шрам

---

³ Традиционно у ингушей было принято ставить прежде отчество, а потом имя – Асланбек Ваха: на русском языке это звучало бы как Ваха Асланбекович. Сейчас в ингушском мире принято следовать русской традиции произношения имён.

внизу подбородка – догадалась, что их посетил сам староста аула. А это значило, что произошло что-то важное. Может, снова срочно понадобился отец, а точнее его специальные навыки? От этих мыслей в душе девушки затеплилась надежда.

– Здравствуйте, Матрона Ефимовна, Мария Петровна! – Старейшина еле заметно кивнул обоим женщинам, и всё-таки вошёл во двор.

– Здравствуйте! – Мария вышла из-за плеча матери и поклонилась вошедшему мужчине – как учили её родители.

После все замерли. Они ждали, что тот пройдёт дальше, в дом, но Асланбек Ваха остался стоять у калитки.

– Что ж вы в дом не заходите? На дворе жарко. Пройдите, отдохните, выпейте воды. Вот куда взбираться пришлось! – мама отчаянно старалась скрыть недавшую её всю ночь озабоченность, хотя заплаканное лицо всё равно выдавало её с головой.

– Спасибо, Матрона Ефимовна, за гостеприимство, – Асланбек Ваха посмотрел на женщину, и быстро отвёл глаза. Дурные предчувствия вновь охватили сердце Марии. Староста явно вёл себя подозрительно. Он как будто скрывал что-то от них. – Я не надолго.

– Спешите! – констатировала мама. – Если вам что-то надо от Петра Алексеевича, то я могу передать ему всё в точности, как вы скажите.

– Нет, я по другому вопросу. Мне жаль выступать в ро-

ли плохого вестника. Но я должен вам передать печальную весть. Пётр Алексеевич, ваш муж...

Тут сердце мама не выдержало, и она рванулась к старейшине. Если бы Мария не спохватилась и не удержала бы её за руку, то она бы точно вцепилась в полы его бешмета и начала бы трясти, трясти, как безумная. Асланбек Ваха инстинктивно отшатнулся. Он нахмурил брови и рубанул, как с плеча:

– Ваш муж погиб, Матрона Ефимовна. Несчастный случай. В темноте заплутал в горах, и, видимо, не туда ступил. Он упал в пропасть. Мне очень жаль. – После этих слов староста повернулся к калитке, сделал шаг, и замер. О чём-то подумав, минуту спустя, он решительно развернулся и посмотрел на них. Мама замерла, словно статуя. Она была безмолвна, словно новость поразила её как молния. Прошла сквозь неё, не оставив шансов на жизнь. Мария же растерянно стояла, как рыба, вынутая из воды, и не знала, что ей делать. Она не могла поверить, что отца больше нет.

– Мы поможем вам его похоронить. Он много для нас сделал, – тяжёло произнёс Асланбек Ваха.

– Баркал⁴! – тихо сказала девушка, понимая, что он обращается именно к ней.

После этого староста развернулся и вышел. Она услышала, как за калиткой заржал конь, и кто-то что-то сказал по-ингушки. Асланбек Ваха пришёл не один. Мария испуган-

---

⁴ Баркал [ингуш.] – спасибо.

но рванулась к калитке, и поспешно закрыла её. В это мгновение за спиной она услышала душераздирающий плач...»

Глава 4

Так закончил свои дни военный врач Пётр Алексеевич Пáлин. Человек с блестящими перспективами, но с совсем не удавшейся жизнью. А ведь как всё начиналось...

Петр бы весёлым и общительным человеком. Любил кататься на лошадях и проводить время в приятных разговорах. А вот в жизни его ни к чему не тянуло. По большей мере, ему было всё равно, чем дальше заниматься и как строить своё существование. Ему просто хотелось в ней как-нибудь устроиться, но непременно так, как положено в приличном обществе: с профессией, женой и ребёнком. Утром идти на службу Его Императорскому Величеству, а вечер проводить за чинным ужином в кругу добропорядочной семьи, или за бокалом вина в собрании distinguished жителей города. Ему не нужен был уж очень высокий круг, он был согласен и на провинциальный. Так что он безропотно принял идею папеньки стать врачом. Родители уверили любимого Петрушу – единственного и любимого сына, что врач – очень приличная профессия. И главное – открывает двери – если и не большие, но уж точно не самые последние. Ведь что может ему дать отец – обычный приходской священник?

«Врач – после Бога и Царя», – заговорщицки на ухо прошептал ему папенька, когда провожал его в столицу на учёбу.

Пётр быстро освоился в большом городе. Но не позво-

лил бурной светской жизни увлечь себя. Он учился, постигал врачебную науку. И лишь изредка позволял своим друзьям увести его на выходные за город. Хотя год учёбы дал понять Петру, что ему отвратительно врачебное занятие. Особенно анатомия. Но построенные перспективы позволяли ему сдерживать порой подкатывающую тошноту, и вновь садиться за учебники. Окончания он ждал с нетерпением. Ждал, чтобы понять, как мелки наши желания великим мира сего. Он был отличником, будущим светилом медицины, но... Он не был так богат и влиятелен, как некоторые его однокурсники. Да и людей со связями у него в арсенале не имелось. Так что его отправили даже не в провинцию, в какую-нибудь глушь, но всё-таки российскую, а на Кавказ, на войну – лечить раненных солдат. В стране шла Кавказская война, шла давно и с переменным успехом. Желających туда ехать становилось всё меньше, а увечных появлялось всё больше. Лекарей на фронте отчаянно не хватало, и отправляли туда всех, кто не мог сопротивляться. Или не имел для того возможностей.

Поначалу Пётр даже обрадовался такому неожиданно-му развороту событий. Последовавшие за этим назначением привилегии послужили бальзамом на нанесённые раны. Ему сразу дали чин коллежского асессора, и он таким образом получил потомственное дворянство. Теперь его величали не иначе как «Ваше Высокоблагородие». А значит, отец уже вполне мог им гордиться. К тому же зарплату обязались

платить исключительно живым серебром. Это повышало его скудный капитал, и делало его перспективным женихом. Так что после войны можно было надеяться найти невесту с хорошим приданным, что позволило бы ему увеличить капитал хотя бы вдвое.

Окрылённый рисовавшейся перспективой, Пётр на фронте бодрился, как мог. Он уверял себя, что от силы полгода и он сможет сам выбрать, куда ему направиться. Надо только потерпеть. Показать себя, и ему обязательно позволят удалиться. Ведь негоже такому хорошему лекарю зря пропадать среди этого хаоса и смерти. Можно даже сослаться, что он единственный сын у престарелых родителей. Попросить у отца прошение на то, что он де болен, и ему нужен срочный уход. А отрок, который бы мог о нём заботиться, у него всего один. То бишь он, Пётр, Петруша. К тому же врач...

Но полгода прошло. Прощения копились в чиновничьих столах. А Пётр Алексеевич Палин всё также оставался на Кавказе.

Война ему осточертела быстро – не прошло и месяца. Раненые, жертвы самых странных болезней и недоедания. Вспыхивающие время от времени мелкие эпидемии из-за общей разрухи. Драки и поединки. Петру Алексеевичу казалось, что он не доктор, а мясник – и это притом, что все безоговорочно считали, что у него золотые руки.

Чтобы не сойти с ума и как-то продержаться, он научил себя абстрагироваться от чужой боли. Молодой человек ре-

зал, ломал, вправлял, шил и всё автоматически, сильно не задумываясь над тем, что чувствует его пациент. Стоит признаться, порой на это и времени-то не было. Он даже мог пройти мимо какого-то бедолаги, на глаз определив, что тот нежилец. Махнуть, как говорится, на него рукой. В студенческие годы такое поведение лекаря могло ему присниться только лишь в самом страшном сне. Но здесь война. А медицинского персонала отчаянно не хватает. Порой пациентов так много, что они просто умирают, не дождавшись своей очереди. Какие уж тут сантименты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.